

Тема народа в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов»

Куркин Б.А.,

Доктор юридических наук, профессор кафедры Международного права Юридического института ТГТУ, эксперт Германской службы академического обмена (DAAD), Тамбов, Россия

Мурашкина О.В.,

Кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой подготовки кадров ИГСУ РАНХиГС, Москва, Россия

В статье анализируется образ народа и его место в развитии действия трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов». Авторы рассматривают данное произведение Пушкина в философско-богословском, а не традиционном позитивистском социологическом плане, характерном как для дореволюционного, так и советского литературоведения.

Авторы показывают, что история Смуты предстает в трагедии не как исключительно движение народных масс, как утверждалось прежде, а в качестве Провидения (Промысла Божьего). Под этим углом зрения в статье радикально переосмысливается тема народа и его образ в пушкинской трагедии.

Ключевые слова: народ, Промысел Божий (Провидение), история.

Для цитаты:

Куркин Б.А., Мурашкина О.В. Тема народа в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 5. №2. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n2/Kurkin_Murashkina.shtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Kurkin B.A., Murashkina O.V. The theme of the people in Pushkin's tragedy "Boris Godunov" [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2018, vol. 5, no. 2. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n2/Kurkin_Murashkina.shtml (Accessed dd.mm.yyyy)

Для адекватного анализа образа народа, его места и роли в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» необходимо исходить из ценностей и воззрений, которыми руководствовался сам Пушкин при написании данного произведения, дабы исследовать труд не «от ветра головы своея», а в полном соответствии с замыслом автора.

Ключ к нему дает нам образ мира, в котором разворачивается пушкинская трагедия, а посему прежде всего следует выяснить, что представляет из себя мир «Бориса Годунова».

Оговоримся сразу: народ един. Царь и бояре у Пушкина – часть народа. Автор «Бориса Годунова» всегда оставался верен исторической правде, заключающейся в том, что на момент Смуты и до нее образ мыслей и чувствований людей на Руси был един, и мышление царя ничем не отличалось от мышления простого мужика. Оно определялось евангельским строем мысли,

православным мироощущением и мировоззрением. Пропасть в сознании и мировосприятии высших и низших слоев разверзлась в России позже – в XVIII веке.

Это обстоятельство следует учитывать, когда мы вчитываемся в пуш-кинскую трагедию – этот явленный в слове художественный образ Смуты. Отсюда вытекает, что деление персонажей на «народ», «бояр», «духовен-ство» и «царя» носит чисто ролевой, функциональный, а не сущностный и содержательный характер. Все они русские, все православные. И этим сказано все. Так испокон было на Руси, так обстоит дело и в трагедии Пушкина.

И еще одно важное соображение: Пушкин писал историческую трагедию, стараясь ни на йоту не отступить от исторической правды, какой она ему виделась в результате глубокого изучения Русской Смуты и «вживания» в ее дух. Только тогда мы поймем смысл, действительное место и значение народа в трагедии Пушкина – не только великого поэта, но и прозорливого историка.

Отдавая дань академической традиции, посмотрим, каким виделся мир «Бориса Годунова» отечественным литературоведам, писавшим о смысле и значении образа народа в пушкинской трагедии.

К истории вопроса

Комментаторы «Бориса Годунова», характеризовавшие образ народа, – как дореволюционные, так и все советские, – были единодушны в том, что народ является в трагедии Пушкина – главное действующее лицо, наделенным огромной нравственной силой и «локомотив истории», разворачивающейся в пьесе.

Часто обсуждение этой темы носило откровенно конъюнктурный, по-литический характер. Так, эссе Н.П. Павлова-Сильванского, наводит на мысль о том, что оно служило всего лишь удобным поводом безнаказанно огласить популярный в те времена лозунг прогрессивной интеллигенции «Долой самодержавие!»

«Где в народе Пушкинской трагедии, – патетически вопрошал в 1908 году Сильванский, – та патриархальная любовь к царям, та преданность самодержавию, которая считалась и считается многими характерною чертою русского народа, не только в древности, но и до настоящего времени? Ее нет и следа. < > Подчеркивая разобщенность царя Бориса с народом, Пушкин хотел показать, что такая разобщенность народа и власти является характерной для нашей истории» [Павлов-Сильванский 1908: 308 – 309].

Та же мысль, только выраженная в более мягкой форме, прослеживалась и в работах Б.М. Энгельгардта. «В движении народа, — писал он, — центр тяжести исторического содержания пьесы, им объединяются отрывочные драматические элементы, на нем сосредоточено внимание всех действующих лиц, его боятся и на него надеются, его решений ждут и перед ними трепещут. Среди шума и мелькания обыденной жизни, среди мелких интриг и происков, “мир” (это русское слово гораздо лучше греческого “хор”) творит суд над несчастным цареубийцей, и что в нем все дело, это отлично понимают все герои произведения начиная с царя Бориса» [Энгельгардт 1916:52].

«В повествовательной форме, — продолжает Энгельгардт, — описывается ход исторического действия драмы и точно указывается его виновник: историю в “Борисе Годунове” делает не единичная личность, а весь народ» [Энгельгардт 1916:54].

В советском литературоведении это положение утвердилось окончательно и бесповоротно, став общим местом при обсуждении трагедии: «Народ – главный герой “Бориса Годунова”». При этом народу приписывалось некое вневременное (надвременное качество –

быть хранителем правды, нравственности и творцом исторического процесса. Покушение на этот догмат стало невыносимо.

В начале 30-х годов данную тему стал развивать в духе марксистской социологии Д.Д. Благой: «Народу в трагедии Пушкина в самом деле придано весьма важное, в конечном счете даже решающее, значение», – писал он [Благой 1931:60]. «Народ, – продолжал автор, – является союзником “мятежного” боярства на протяжении всей трагедии. При этом народу, его мнению и воле, как мы уже указывали, придается в трагедии исключительное верховное значение» [Благой 1931:68].

Сходную картину обрисовал в 1935 году в своем комментарии к «Борису Годунову» Г.О. Винокур: «Народ изображен в трагедии Пушкина как мощная политическая сила, но сила вполне страдательная. Еще меньше общего между народом и царем. Все попытки царя завоевать народные симпатии щедротами и благотворением оказываются тщетными. Естественно, что между властью и стихией мятежа не может быть даже негативных точек соприкосновения» [Винокур 1999:310].

Последнее звучало поистине феерично. «Негативные точки соприкосновения» должны присутствовать по определению, ибо мятежники и власть ведут борьбу друг с другом не на жизнь, а на смерть.

После войны свою лепту в народоведение от «Бориса Годунова» внес Г.А. Гуковский. «Пушкин хорошо знает, что именно “мнение народное” — сила истории» [Гуковский 1957:22].

Историю, продолжал автор, здесь открыто творит народ, хотя и именем Димитрия, но без его личного участия; государственный переворот происходит почти независимо от него. < > Таким образом, в идейном борении личности и народа, а затем царя и народа в “Борисе Годунове” — побеждает народ. < > Пушкин проводит через всю трагедию мысль о том, что народ — стихия “мятежа”. Народ — потенциальная сила революции. Он готов восстать всегда, по всякому поводу, — так сильно стремление народа свергнуть тиранию» [Гуковский 1957:25].

«Пушкин, — отмечал Гуковский, — показывает, что народу органически свойственна высокая моральная чистота, возвышенный взгляд на судьбу человека, на его нравственный облик. Этот взгляд, по условиям эпохи и по общему уровню ее представлений, приобретает религиозную окраску и символику, что вовсе не значит, будто сам Пушкин хотел пропагандировать в своей трагедии религиозные идеалы» [Гуковский 1957:30].

В 60-е годы тему народа в «Борисе Годунове» затронул С.М. Бонди: «Что главным героем пушкинской трагедии является не Борис Годунов с его преступлением и не Григорий Отрепьев с его удивительной судьбой, а народ, видно из всего содержания и построения трагедии. О народе, его мнении, его любви или ненависти, от которых зависит судьба государства, все время говорят действующие лица пьесы: Шуйский и Воротынский (в 1-й сцене — “Кремлевские палаты”), Борис в своем знаменитом монологе (в 7-1 сцене), Шуйский и боярин Афанасий Пушкин (в 9-й сцене — “Москва. Дом Шуйского”), Борис, Патриарх и Шуйский в Царской Думе (сцена 15), Пленник (в 18 сцене — “Севск”), Борис и Басманов (в 20-й сцене — “Москва. Царские палаты”) и, наконец, Гаврила Пушкин — человек, по замыслу Пушкина, вполне понимающий политическую и общественную ситуацию (21-я сцена. “Ставка”):

Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?

Не войском, нет, не польскою помощью,

А мнением, да, мнением народным...» [Бонди 1960:567].

Позднее Л.М. Лотман в своем комментарии к «Борису Годунову», ссылаясь на словарь М. Фасмера, делает важное уточнение: мнение может быть и ложным. Из этого прямо вытекало, что заблуждаться может и народ [Лотман 1996:161].

В конце 60-х – начале 70-х годов прошлого века тему народа в «Борисе Годунове» затрагивали Б.П. Городецкий и Н.Ф. Филиппова. «Народ в “Борисе Годунове” Пушкина, – основная сила исторического процесса», – писал Городецкий [Городецкий 1969:11] В свое время он раскритиковал комментарий Винокура за его освещение темы народа, усмотрев в авторе приверженца и провозвестника некоей «оранжевой революции», хотя такого понятия в то время еще и в заводе не было.

«Главные герои трагедии: бояре, Борис и народ, — вторила Городецкому Филиппова. < > Преемником летописца в передаче потомкам правды станет народ — подлинный вершитель истории. Такой вывод напрашивается в трагедии на основе развития событий» [Филиппова 1972:114].

«Ведущую роль в развитии событий, — продолжала она, — стал играть народ — историческая концепция пушкинской драмы. В знаменитых словах Гаврилы Пушкина — ключ к пониманию силы, направляющей развитие событий. Все те, кто борется за власть — проявляется ли это в форме военного похода Самозванца или скрытой оппозиции бояр, — измеряют свои шансы на успех тем, пользуются они поддержкой народа или нет» [Филиппова 1972:55].

Довольно забавную интерпретацию темы и образа русского народа в «Борисе Годунове» и, как следствие, всей трагедии дал И.З. Серман.

Трагедия А.С. Пушкина, по Серману, – об иррациональности сознания русского человека с его вечной надеждой на чудо и отсутствия у него (и по сию пору!) способности трезво смотреть на себя и свое собственное положение. [Serman 1986; Сепман 2013:160].

В отличие от Сермана Е.А. Маймин не отступает от традиции и видит в изображаемом Пушкиным народе «все истоки исторического движения и народ одновременно ничто, от него, по сути, ничего не зависит в устройстве жизни. С точки зрения Пушкина, одним лишь “мнением народным” сильны властители, но он же показывает, что не сам народ, а другие за него распоряжаются и его мнением, и его силой. Это и есть самая глубокая и самая доподлинная трагедия истории [Маймин 1981: 88 – 89].

Сходную мысль выразил в это же время и Ю.М. Лотман. «Пушкин, – писал он, – одновременно показал глубокую противоречивость в позиции народа, сложно сочетающей силу и слабость. Судьбы всех политических сил определяются “мнением народным”. Однако политическое сознание народа не поднимается выше осуждения “царя-Ирода” и противопоставления ему “младенца убиенного”. На деле новый царь также оказывается убийцей. Народ в ужасе отшатывается от него. Круг замыкается» [Лотман 2003:106].

Эта «закольцованность» истории стала предметом нешуточного обсуждения.

Пушкин, писал Г. А. Лесскис, обнаружил «порочный круг русской истории, который и составлял единственную трагическую коллизию в истории Московии: самодержавие порождает Смуту, а Смута порождает самодержавие, и ничего другого быть не может» [Лесскис 1993:235].

В «Борисе Годунове», отмечает автор, Пушкин сделал для себя фундаментальное открытие, которое позднее (в 1830 г.) он изложит в публицистической форме в рецензии на книгу Н. Полевого о несходстве путей исторического развития России и Европы: «Смута оказалась национальным русским явлением, имеющим причины, но не несущим никаких новых исторических следствий, так что история оказывалась «замкнутой» и обречённой на повторяющиеся переходы Самодержавия в Смуту, а Смуты — в Самодержавие. Это открытие соответствовало реальному положению вещей: порочный круг действительно и составлял единственную трагедию всей русской истории не только московского, но и петербургского периода» [Лесскис 1993: 241, 242].

Ниже Лесскис выразился еще резче: «...обнаруживается порочный круг русской истории: революция европейского типа, заменяющая одни правовые нормы другими правовыми же, но более демократичными, в мире Годуновых и Шуйских, Пименов и Юродивых невозможна; здесь возможна лишь смута, замещающая Бориса Гришкой, а Гришку — другим царём, но характер власти при этом остаётся неизменным» [Лесскис 1993:238].

К аналогичному выводу пришёл и анализировавший пушкинского «Бориса Годунова» филолог Ф. Раскольников: «Закономерность, которую обнаружил Пушкин не только в русской истории, но и в жизни вообще, можно обозначить как «закон волны, или цикличности». Этому «закону», выражающемуся в смене дня и ночи, времён года, поколений и проч., подчиняется и ритм истории, и в нём осуществляется Судьба. Не христианское Провидение, как, вслед за Карамзиным, утверждают Энгельгардт и Непомнящий, а Судьба, Рок». [Раскольников 2002:67–68].

В итоге, как подчёркивает М. Альтшуллер, «получается дурная бесконечность: воцарение при одобрении народа — восстание — гибель царя — новое воцарение — одобрение народа — гибель... Из этой бесконечности нет и не может быть выхода» [Альтшуллер 1995–1996:295].

Непонятно, однако, как в таком случае Русь смогла выжить и восстать из пепла, оставаясь и по сию пору «живее всех живых».

Но вернемся к Лотману и его видению народа в трагедии Пушкина. «Поэт, — развивает свою мысль Лотман, — смело вводит в действие восставший народ и дает ему голос — Мужика на амвоне. Народное восстание победило. Но Пушкин не заканчивает этим своей трагедии. < > Покинутый народом, Борис, вопреки всем благим намерениям, неизбежно делается тираном». [Лотман 2003:198].

Оказывается, народ покинул царя. Любопытные прочтение «Годунова»!

Об ужасных последствиях расплаты за прегрешения напомнил А.С. Позов: «По библейской традиции < > грехи отцов переходят на неповинных детей, и дети призваны своей невинной кровью искупить грехи отцов...» [Позов 1998:115].

В задачу авторов настоящей статьи не входит комментарий к комментариям, а посему отметим лишь, что мир «Бориса Годунова», описанный или подразумеваемый отечественными литературоведами, является миром сугубо посюсторонним, земным, в котором происходит борьба вполне материальных интересов – мир «классовой борьбы», борьбы за блага «мира сего», борьбы за власть, мир мятежей и переворотов. По мысли Б.М. Энгельгардта, «Пушкин старается объяснить несчастье Борисова царствования, не апеллируя к небу» [Энгельгардт 1916:56].

Этому есть свое объяснение: дореволюционные авторы жили и работали в эпоху господства позитивизма, советские – в эпоху торжества диалектического и исторического материализма. Посему в силу своих убеждений или в силу внешних обстоятельств они строили концепцию мира «Бориса Годунова», не отличимую по сути от той, которой придерживался известный герой М. Булгакова: «Сам человек и правит!»

Мир «Бориса Годунова»

Комментируя «Бориса Годунова», отечественные литературоведы упорно не видели или не хотели видеть очевидного: присутствия в обрисованном Пушкиным мире Бога. А это требует совершенно иной системы категорий, с помощью которых следует прочитывать «Бориса Годунова».

Лишь в недавнее время усилиями В.С. Непомнящего, [Непомнящий 2001], М.М. Дунаева, [Дунаев 2003], В.В. Василика [Василик:2018] и ряда других авторов была затронута, хотя и вскользь, религиозная тема в «Борисе Годунове».

Скажем так: в «Борисе Годунове» Пушкин явил себя в качестве православного художника, то есть человека, в основе внутреннего мира которого, включая художественный, мировоззренческий, идейный и проч., лежит матрица православных (евангельских) ценностей.

Доказательством православного взгляда Пушкина на русскую Смуту служат изображаемые им в трагедии чудеса. При этом, все они почерпнуты из исторических источников – житий святых, летописей и проч.

Пушкин настолько точно и верно следовал букве и духу русских документов, что это дало ряду критиков повод упрекать его в «иллюстративности», а саму трагедию рассматривать как род бытописательства.

Уже в самом начале «Бориса Годунова» Пимен наставляет Григория:

«Описывай, не мудрствуя лукаво,

Все то, чему свидетель в жизни будешь:

Войну и мир, управу государей,

Угодников святые чудеса,

Пророчества и знаменья небесны...» (выделено нами. – Авт.).

Чудо – неотъемлемая часть мира «Бориса Годунова», равно как и мира русской жизни XVII века. Но что есть чудо, и выражением чего оно является?

На этот вопрос дан исчерпывающий ответ в святоотеческой литературе. «Бог идеже хочет, побеждается естества чин: творит бо, елика хочет» («когда пожелает Бог, то нарушается порядок природы, ибо Он творит, что хочет», – поется в Великом каноне прп. Андрея Критского [Канон Андрея Критского 2012: 21].

«Чудеса суть действие Божие», – наставляет Иоанн Дамаскин [Иоаннъ Дамаскинъ прп. 1913: 272]. По этим определениям необычные дела, совершаемые диаволом или людьми, им обладаемыми не есть чудеса.

«Что такое чудеса? – поучает свт. Филарет Московский, современник которого был Пушкин. – Дела, которые не могут быть сделаны ни силою, ни искусством человеческим, но токмо всемогущею силою Божиею. Например, воскресить мертвого» [Филарет Московский свт. 1866:15].

Таковых чудес изображено в «Борисе Годунове» несколько. Это – видение «мужа светла» блаженному царю Феодору Иоанновичу и светлая кончина государя, вещий сон Гришки Отрепьева и прозревшего старца, поведенный царю и боярам Патриархом, «трепетанье» мертвого Димитрия, рассказ Шуйского о нетленном лице убиенного царевича. Следовательно, анализируя тему народа в трагедии Пушкина, исследователь ни на секунду не должен забывать об этом.

Таким образом, чудеса, описанные Пушкиным в «Борисе Годунове», – это прямое указание на сосуществование и взаимодействие двух миров: духовного («тонкого») и земного, горнего и дольнего.

Народ

Для выяснения вопроса об образе народа в трагедии необходимо проанализировать отзывы о нем других персонажей, их правомерность и обоснованность. Пушкин предоставляет нам возможность соотнести оценки народа, дававшиеся его героями, с действиями самого народа.

В свое время А.А. Аникст высказал верную мысль о том, что «в “Борисе Годунове” нет никого, кто выступал бы глашатаем идей Пушкина. Каждый персонаж — живое лицо со своим

характером и образом мыслей. Но это не означает, что автор полностью скрывает свои мысли. Они выражены не в той или иной тираде, а в логике событий и во всей системе образов» [Аникст 1972:50-51].

Оптика Пушкина такова, что предмет рассматривается одновременно с нескольких позиций, в ходе чего происходит наложение одного видения ситуации на другое. Этим достигается объективность взгляда на происходящее. Пушкин никогда не «болеет» за какую-то одну из противоборствующих сторон; он всегда над схваткой и стремится показать правду и неправду обеих сторон.

Поэтому приступая к анализу, вспомним для начала, что говорили о народе прочие герои пушкинской трагедии.

Борис Годунов:

«Живая власть для черни ненавистна,

Они любить умеют только мертвых.

< >

Бог насылал на землю нашу глад,

Народ завыл, в мученьях погибая;

Я отворил им житницы, я злато

Рассыпал им, я им сыскал работы —

Они ж меня, беснуясь (выделено нами – Авт.), про-клинали!

Пожарный огонь их дома истребил,

Я выстроил им новые жилища.

Они ж меня пожаром упрекали!

Вот черни суд: ищи ж ее любви.

< >

Кто ни умрет, я всех убийца тайный:

Я ускорил Феодора кончину,

Я отравил свою сестру царицу,

Монахиню смиренную... всё я!»

Шуйский:

«...бессмысленная чернь

Изменчива, мятежна, суеверна,

Легко пустой надежде предана,

Мгновенному внушению послушна,

Для истины глуха и равнодушна,

А баснями питается она.

Ей нравится бесстыдная отвага.

Так если сей неведомый бродяга

Литовскую границу перейдет,

К нему толпу безумцев привлечет

Димитрия воскреснувшее имя.

< >

Народ и так колеблется безумно,

Я сам явлюсь на площади народной,

Уговорю, усовещу безумство (выделено нами – Авт.)...»

Войско Годунова о Самозванце: «И вор, а молодец».

Басманов: «Всегда народ к смятенью тайно склонен».

Как видим, наиболее полно охарактеризован народ как таковой «лукавым» Шуйским, отмечавшим свойство людей впадать в коллективное безумие, их необычайную внушаемость, суеверность, равнодушие к истине, склонность к самообольщению и т.д.

Особняком в ряду свойств народного характера стоит «тайная склонность к мятежу».

Теперь посмотрим, насколько справедливы эти отзывы. При ближайшем сопоставлении этих суровых оценок с действиями и умонастроениями народа, о которых повествуется в трагедии, оказывается, что характеристики, даваемые циничным Шуйским, совершенно верны.

В справедливости этих оценок не сомневается и Годунов, столкнувшийся с необъяснимой злобой («беснованием») народа, обвинявшего царя во всех мыслимых и немыслимых грехах и преступлениях.

Нас в данном случае должна заинтересовать нелепость и чудовищность ряда обвинений, брошенных народом Борису – например, отравление своей сестры-царицы и содействие ускорению кончины блаженного царя Феодора.

Но если эти обвинения исходят не от здравого ума, то, следовательно, они идут не от людей, а внушаются некими злобными и незримыми силами.

Но когда человек и народ становятся особенно податливы к прелести, насылаемым врагом рода человеческого? Тогда, когда в человеке и народе оскудевает вера и нарушаются Христовы заповеди. И тогда по поущению Господнему сатана начинает играть человеком. Устами Варлаама Пушкин прямо говорит об этом в сцене «Корчма на литовской границе»: «Плохо, сыне, плохо! ныне христиане стали скупы; деньгу любят, деньгу прячут. Мало Богу дают. Прииде грех велий на языцы земнии. Все пустилися в торги, в мытарства; думают о мирском богатстве, не о спасении души. < > Ох плохо, знать пришли наши последние времена...»

Напомним, что «последние времена» – времена антихристовы.

Народ – понятие ведомое и равно как и отдельный человек может пребывать в различных состояниях. Таким он и предстает у Пушкина.

Народ индифферентен, пассивен в сценах «Красная площадь» и «Девичьем поле»). Нехотя, словно отбывая наказание, буквально из-под палки молятся русские люди о даровании России ... Годунова. Не о даровании богоугодного царя, а «персонально» Бориса.

Народ впадает в безумие и беснуется (монолог Бориса), он впадает в прелесть, обманываясь мечтой о царевиче и, как итог, становится ... царе-убийцей. «Вязать Борисова щенка!» – кричит с амвона «агитатор», и народ, согласно пушкинской ремарке, несется толпой: «Вязать! Топить! Да здравствует Димитрий! Да гибнет род Бориса Годунова!»

Впрочем, это уже не народ. Это – толпа, качественно иное состояние людей. Осознание содеянного все же приходит, хотя с опозданием. Но что сделано, то сделано. Теперь народ

такой же цареубийца, пусть и символический, как проклятый им Борис Годунов, как и реальные убийцы – бояре.

Для отечественного литературоведения – от Белинского до академика М.П. Алексева, глухо намекнувшего, со ссылкой на того же Белинского, на «существование проблемы», тема народа-цареубийцы была, по ряду привходящих и относящихся совсем не к науке причин, замалчиваемой [Алексеев 1972: 209 – 215].

Но главные виновники преступления – бояре, ставшие в одночасье клятвопреступниками и цареубийцами. И при этом все они (ярчайший пример – Басманов) находят свои резоны для измены. Нет лукавства лишь в Пимене, Патриархе и Юродивом.

Поддавшись искушению и впад в состояние прелести, народ становится последовательно жертвой бесов.

Народ и Царь

Разгул бесовщины порождает в сознании русских людей «когнитивный диссонанс». Вспомним, как начинается сцена «Равнина близ Новгорода-Северского». «Воины (бегут в беспорядке) Беда, беда! Царевич! Ляхи! Вот они! вот они!»

Беда. Царевич. Ляхи.

Один событийный и смысловой ряд. Ключевое слово: «Беда!»

Все просто и неразрешимо одновременно: с одной стороны, присяга Годунову – законному царю, но цареубийце, с другой – «законнейший» Русский царевич, но идущий на Русь с иноземцами – извечными супостатами – злокозненными ляхами. Уже одно это вносит в сознание «когнитивный диссонанс». Русь и законный царь-святоубийца по одну сторону, «законнейший царь» в союзе с врагами Руси – по другую. И выбор между ними православный воин должен делать здесь и сейчас: не на завалинке, а сражаясь.

Страшно идти против Русского царевича – «грех велий», но он ведет с собой на Русь полки еретиков – «воинов антихристовых».

Страшно защищать царя-«святоубийца» – «велий грех», но долг требует защищать Русь от иноземцев. И не просто от иноземцев, а от еретиков, «антихристов»! Защищать веру православную. А защитником Руси и веры православной является царь-святоубийца!

Есть, от чего прийти в смятение. И какое бы решение принято ни было, оно ведет к катастрофе.

«Сбились мы. Что делать нам!

В поле бес нас водит, видно,

Да кружит по сторонам».

В сущности, пушкинский «когнитивный диссонанс» в сознании народа возникает из-за отказа в легитимности Самодержавию, как результата ухода от веры. Так человек, равно как и в целом народ, в котором ослабла вера и решимость жить по заповедям Христовым, становится идеальным объектом манипуляций. В этой сцене Пушкин ясно и четко показывает, что «точкой сборки» народного сознания как говорят нынешние социологи и политологи) становится фигура православного царя, сомнение в благости и подлинности которого и рождает духовный и, как неизбежное следствие, социальный катаклизм. Словно из табакерки, выпрыгивает Самозванец – орудие сил преисподней и начинается долгая и разрушительная для всего народного бытия Смута.

Трагедия Пушкина – явленный в слове образ русской Смуты, в которой нет правых, но лишь виноватые, а посему бессмысленно выискивать в «Борисе Годунове» «движущие силы истории» и «вневременных носителей добродетели», учиняющих «общественные прогрессы».

Вчитываясь и вживаясь в Михайловском в документы XVIIвека – жития святых, летописи, часто и накоротке общаясь со священнослужителями, Пушкин не мог не иметь хотя бы самого общего представления об учении о царской власти.

Как показывает автор «Бориса Годунова», основой ее является признание Божьей власти через царя – государя «милостию Божией». Собственно, в самом термине «самодержавие» заложено признание власти Самого, т.е. Господа, над государством. Оттого-то провоцирование сомнений в истинности самодержца и влечет за собой кровавую смуту. Недаром же сказано: «Не прикасайтесь помазанным моим» (Пс. 104:15).

Иначе говоря, общественная катастрофа, непременно раздражающаяся в результате подрыва царской власти, показывает и доказывает, что православный самодержец есть ключевая фигура в «системе взаимодействия» горнего и дольнего миров.

И не просто православный самодержец, а православный самодержец по особому Промыслу Божию. Мировой истории и истории России, в частности, известны многие самодержцы, не являвшиеся такими ключевыми фигурами, а по смыслу Священного Писания бывшие скорее врагами Божиими.

Это о них сказано: «... и поведут вас к правителям и царям за Меня, для свидетельства перед ними и язычниками». [Мф. 10:18]. То же относится и к царям из Апокалипсиса, что «примут власть со зверем, как цари, на один час». [Откр. 17: 12].

Пушкин изображает мир русской истории и Смуты, равно как и всей человеческой истории, в виде взаимодействия зримого и незримого, горнего и дольнего миров, в основе которого лежит Провидение, сиречь, Божий Промысл.

Когда отвергается небесный порядок, страна погружается в Смуту. Мы не знаем, что именно происходит в мире горнем, тонком, зато видим результаты человеческого своеволия на земле. Это и показывает Пушкин в «Борисе Годунове».

Пушкин детально проанализировал для нас все внутренние мотивы, приведшие народ к мятежу и братоубийственной войне, и показал, что в критические моменты истории народ по сути оказывается перед одним и тем же выбором: жить по заповедям или прельститься мятежным словом.

Литература

1. Алексеев М.П. Реплика Пушкина «Народ безмолвствует» // Алексеев М. П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972.
2. Альтшуллер М. Г. Пушкин, Булгарин, Николай I и сэр Вальтер Скотт. // Новые безделки: Сборник к 60-летию В. Э. Вацура. — М.: Новое литературное обозрение, 1995–1996.
3. Аникст А. Теория драмы в России от Пушкина до Чехова. М.: Наука, 1972.
4. Благой Д. Социология творчества Пушкина. Этюды. Второе дополненное издание. М.: Кооперативное издательство «Мир», 1931.

5. Бонди С.М. *Драматические произведения // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1960. Т. 4.*
6. Василик В.В. *Солнце русской поэзии и грозы истории: К 180-летию со дня гибели А.С. Пушкина. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2018.*
7. Винокур Г.О. *Комментарий к «Борису Годунову» А.С. Пушкина. Труды. М.: Лабиринт. «Брандес», 1999.*
8. Гуковский Г.А. *Пушкин и проблемы реалистического стиля. – М.: Гослитиздат, 1957.*
9. Городецкий Б.П. *Трагедия А. С. Пушкина «Борис Годунов». Комментарий. Л.: Просвещение. Ленинградское отд., 1969.*
10. Дунаев М.М. *Вера в горниле сомнений. Православие и русская литература в XVII –XX вв. М.: Издательский совет Русской православной церкви, 2003.*
11. *Юаннъ Дамаскинъ прп. Точное изложение Православныхъ вѣры. Полное собрание творений Св. Юанна Дамаскина. Томъ I. С.-Петербургъ. Издание Императорской С.-Петербургской Духовной Академіи, 1913.*
12. *Канон Андрея Критского в понедельник первой недели Великого Поста. Песнь четвертая. // Великий канон преподобного Андрея Критского с переводом на русский язык. М.: Ковчег, 2012.*
13. Лескис Г. А. *Пушкинский путь в русской литературе. — М.: Художественная литература, 1993*
14. Лотман Л.М. *Историко-литературный комментарий // Пушкин А. С. Борис Годунов. – СПб.: Гуманитарное агентство «Академический Проект», 1996.*
15. Лотман Ю.М. *Пушкин: Очерк творчества // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя. Статьи и заметки, 1960—1990. Санкт-Петербург: «Искусство – СПб», 2003.*
16. Маймин Е.А. *Пушкин. Жизнь и творчество. М.: Наука, 1981.*
17. Непомнящий В.С. *Пушкин. Избранные работы 1960-х - 1990-х гг. Т. I. Поэзия и судьба. М.: Жизнь и мысль, 2001.*
18. Павлов-Сильванский Н.П. *Народъ и Царь въ трагедіи Пушкина. // Библиотека великих писателей подъ редакціей С.А. Венгерова. «Пушкинъ» Т. II Издание Брокгаузъ-Ефронъ: С.-Петербургъ, 1908.*
19. Позов А.С. *Метафизика Пушкина, 2-е издание. М.: Наследие, 1998.*
20. Раскольников Ф. А. *Статьи о русской литературе. — М.: Вагриус, 2002.*
21. Серман И. *Свободные размышления. Воспоминания. Статьи. М.: Новое литературное обозрение, 2013.*
22. Филарет, свт. Московский. *Пространный христiанский катехизисъ Пра-вославныхъ Кафолическія Восточныхъ Церк-ви. Издание шестьдесят шестое. Москва, въ Синодальной Типографіи 1866.*
23. Филиппова Н.Ф. *Народная драма А. С. Пушкина «Борис Годунов». М.: Книга, 1972.*
24. Энгельгардт Б.М. *Историзм Пушкина: К вопросу о характере пушкинского объективизма // Пушкинистъ: Историко-литературный сборникъ. / Подъ редакціей профессора С.А. Венгерова. II Пг., 1916.*
25. Serman I.Z. *Paradoxes of the Popular Mind in Pushkin's «Boris Godunov» // Slavic and East European Review. 1986. Vol. 64. № 1.*

The theme of the people in Pushkin's tragedy "Boris Godunov"

Kurkin B.A.,

Doctor of jurisprudence, professor

*Associate Professor Department of Constitutional and Administrative law
Tambov State Technical University*

Murashkina O.V.,

PhD (Philology), Assistant Professor at the department of foreign languages for civil servants at the Institute of Civil Service and Public Administration, RANEPА, Moscow, Russia

The article is dedicated to analysis of the people's image and its place in the storyline of the tragedy. The authors examine the work by Pushkin with respect to its philosophical and theological aspects and not to positivist sociological ones traditional for both pre-revolution and Soviet literature studies. The authors point out that the (Revolt) history appears in the tragedy not as an exclusive movement of people's masses as it had been argued before but acting as a disposition of Providence (Divine Providence). From this perspective the article is radically reinterpreting the role and image of the people in the tragedy by Pushkin.

Key Words: people, Providence, history.

References

1. Alekseev M.P. Remarka Pushkina «Narod bezmolvstvuet» // Alekseev M. P. Pushkin: Sravnitel'no-istoricheskie issledovaniya / AN SSSR; In-t rus. lit. (Pushkinskij Dom). – L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1972.
2. Al'tshuller M. G. Pushkin, Bulgarin, Nikolaj I i sehr Val'ter Skott. // Novye bezdelki: Sbornik k 60-letiyu V. EH. Vacuro. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1995–1996.
3. Anikst A. Teoriya dramy v Rossii ot Pushkina do CHEkhova. M.: Nauka, 1972.
4. Blagoj D. Sociologiya tvorchestva Pushkina. EHyudy. Vtoroe dopolnennoe izdanie. M.: Kooperativnoe izdatel'stvo «Mir», 1931.
5. Bondi S.M. Dramaticheskie proizvedeniya // Pushkin A.S. Sobr. soch. v 10 tomah. M.: GIHL, 1960. T. 4.
6. Vasilik V.V. Solnce russkoj poehzii i grozy istorii: K 180-letiyu so dnya gibeli A.S. Pushkina. M.: Izdatel'stvo Sretenskogo monastyrja, 2018.
7. Vinokur G.O. Kommentarij k «Borisu Godunovu» A.S. Pushkina. Trudy. M.: Labirint. «Brandes», 1999.
8. Gukovskij G.A. Pushkin i problemy realisticheskogo stilya. – M.: Goslitizdat, 1957.
9. Gorodeckij B.P. Tragediya A. S. Pushkina «Boris Godunov». Kommentarij. L.: Prosveshchenie. Leningradskoe otd., 1969.

10. Dunaev M.M. Vera v gornile somnenij. Pravoslavie i russkaya literatura v XVII –XX vv. M.: Izdatel'skij sovet Russkoj pravoslavnoj cerkvi, 2003.
11. Ioann" Damaskin" prp. Tochnoe izlozhenie Pravoslavnyya vѣry. Polnoe sobranie tvorenij Sv. Ioanna Damaskina. Tom" I. S.-Peterburg". Izdanie Imperatorskoj S.-Peterburgskoj Duhovnoj Akademii, 1913.
12. Kanon Andreya Kritskogo v ponedel'nik pervoj nedeli Velikogo Posta. Pesn' chetvertaya. // Velikij kanon prepodobnogo Andreya Kritskogo s perevodom na russkij yazyk. M.: Kovcheg, 2012.
13. Lesskis G. A. Pushkinskij put' v russkoj literature. — M.: Hudozhestvennaya literatura, 1993
14. Lotman L.M. Istoriko-literaturnyj kommentarij // Pushkin A. S. Boris Godunov. – SPb.: Gumanitarnoe agentstvo «Akademicheskij Proekt», 1996.
15. Lotman YU.M. Pushkin: Oчерk tvorchestva // Lotman YU. M. Pushkin: Biografiya pisatelya. Stat'i i zametki, 1960—1990. Sankt-Peterburg: «Iskusstvo – SPB», 2003.
16. Majmin E.A. Pushkin. ZHizn' i tvorchestvo. M.: Nauka, 1981.
17. Nepomnyashchij V.S. Pushkin. Izbrannye raboty 1960-h – 1990-h gg. T. I. Poehziya i sud'ba. M.: ZHizn' i mysl', 2001.
18. Pavlov-Sil'vanskij N.P. Narod" i Car' v" tragedii Pushkina. // Biblioteka velikih pisatelej pod" redakciej S.A. Vengerova. «Pushkin"» T. II Izdanie Brokgauz"-Efron": S.-Peterburg", 1908.
19. Pozov A.S. Metafizika Pushkina, 2-e izdanie. M.: Nasledie, 1998.
20. Raskol'nikov F. A. Stat'i o russkoj literature. — M.: Vagrius, 2002.
21. Serman I. Svobodnye razmyshleniya. Vospominaniya. Stat'i. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013.
22. Filaret, svt. Moskovskij. Prostrannyj hristianskij katekhizis" Pra-voslavnyya Kafolicheskiya Vostochnyya Cerk–vi. Izdanie shest'desyat shestoe. Moskva, v" Sinodal'noj Tipografii 1866.
23. Filippova N.F. Narodnaya drama A. S. Pushkina «Boris Godunov». M.: Kniga, 1972.
24. EHngel'gardt B.M. Istorizm Pushkina: K voprosu o haraktere pushkinskogo ob"ektivizma // Pushkinist": Istoriko-literaturnyj sbornik". / Pod" redakciej professora S.A. Vengerova. II Pg., 1916.
25. Serman I.Z. Paradoxes of the Popular Mind in Pushkin's «Boris Godunov» // Slavic and East European Review. 1986. Vol. 64. № 1.